

Н. И. Шутова

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА СРЕДНЕКУШКЕТСКОЙ ОКРУГИ

Статья посвящена характеристике культовых мест и культурных объектов удмуртов, живущих в д. Средний Кушкет и соседних селениях – Сала-Кушкет, Тагашур, Пор-Кутеш Балтасинского р-на Республики Татарстан. В каждом селении отмечено функционирование в прошлом нескольких типов и разновидностей культовых объектов – куалы семейной (*си-оно-юоно/огшоры куала*) и священной патронимической и общедеревенской (*Мудор куала/Мудоро куала*), общедеревенских или патронимических/родовых священных рощ *Луд*, мест аграрных молений *Бусы вёсь*, площадок для молодежных гуляний. Существовала целая группа культовых участков для проведения погребальных и поминально-умиловительных обрядов (кладбище-*шай*, *бельгы*, *куркуян*, *йыр-пыд сётон*, *куяськон*). В ряде деревень имелись площадки для проведения больших общественных аграрных молений (*Быдзым вёсяськон*, *Быдзым куриськон*, *Вёсяськон кыз*, *Вёсяськон инты*, *Нюлэскын вёсяськон*), приуроченных ко дню летнего солнцестояния, а позже – ко дню памяти апостолов Петра и Павла. В д. Тагашуре имелось особое место для проведения весеннего праздника Акашка на возвышении Пужымгурезь, роль сакральной персоны на этом празднике исполняла специально выбранная женщина *Аргышкышно*. В д. Карык-Серме моления в *куале* и священных рощах проводили перед иконами. В дни больших христианских праздников (Пасха и Петров день) жители д. Пор-Кутеша принимали участие в крестном ходе.

Ключевые слова: культовые места, святилище *куала*, камень *Мудор*, священная роща *Луд*, кладбище, место *бельгы*, место *куркуян*.

По материалам археолого-этнографической экспедиции 2001 г., в окрестностях д. **Средний Кушкет** (удм. *Жаны*) было выявлено существование более двух десятков типов и разновидностей культовых и культурных мест и объектов, из них на карте удалось определить местоположение лишь 22 памятников (рис. 1) [1].

Священные строения *куала* (диал. *куа/коа/кола*) в деревне подразделяли на семейную куалу и патронимическую *Мудор куалу*. Посередине куалы располагался очаг, над ним устанавливали котел, там варили еду. К настоящему времени большинство таких строений не сохранились. Тем не менее жители деревни продолжают

с большим почтением относиться к местам прежнего их местоположения. «У нас была *коа*, бабушка сказала, что это не *Мудор куа*. На то место баню поставил муж. Бабушка сказала, чтобы его грех на нее саму упал. Поэтому что ли у нее плохо с головой (*йырыз сураськемын*). «У многих такие места сохраняют, просто ровное место, ничего не делают на нем. А у других просто камень стоит на том месте. Ничего нельзя делать. Иван Васильевич [директор школы], у его сестры есть береза, под нею камень из куалы, там «ловит», говорили. Мама моя к ним хлеб с молитвой заносила» (Кунаева Татьяна Васильевна, 1933 г. р.). В деревне ныне сохранились остатки куалы в трех хозяйствах: *Мудор куала* у Татьяны Алексеевны Апаковой (1939 г. р.) (рис. 1-8; 2; 3), *Мудор куала инты* с котлом под высоким тополем на усадьбе Пантелеймона Аркадьевича Николаева и священный камень *Мудор* под березой у Ермаковых (рис. 1-6; 4). Жители деревни полагают, что хранителем куалы (*куала утись*) Ермаковых был дед директора школы Ивана Васильевича Ермакова по имени Федор. Хранителем куалы П. А. Николаева был его прадед Николай Александрович Николаев. Информант Т. А. Апакова рассказала: «Кола у нас есть. Бабушка умерла у нас уже, она не велела туда ходить, сказала, времени не будет. Туда складываем разные хозяйственные вещи. Один угол священный. Там лежит камень Мудор (*Мудор-из*). Захламили колу. Не принимай, сказала бабушка, куалу. Времени у тебя не будет. Она там молилась. Она выносила туда кашу рисовую, пшеничную, яйца (*кукей*)» (Апакова Татьяна Алексеевна, 1939 г. р.). В хозяйстве Ермаковых располагалась общедеревенская Великая куала, она стояла на краю старого кладбища. Там был священный камень Мудор. К этому камню из Великой куалы ходили старики со всей деревни, и нижние и верхние (*уллапальёс но выллапальёс*) (рис. 4).

По мнению большинства информантов, в деревне были три священные рощи Луд. В Пошша/Пошма луде (Пошша < Пышъя – наименование родовой группы) молились жители нижней части деревни, обитающие вокруг школы (*школа пальёс, уллапальёс*) (рис. 1-10); Чола луд (Чола – наименование родовой группы) принадлежал жителям нижней части деревни, которые проживали около фермы (*уллапальёс, ферма пальёс*) (рис. 1-9); в Бабись луде (Бабись – название лога) молились жители верхней части деревни (*вылланыёс*) (рис. 1-15). Капище Пошма-луд располагался в лесу Пошманюлэс [Пошма или Пошша < Пышъя – название родовой группы, *нюлэс* ‘лес’] на поляне посередине леса. «Пошшагурезь [Пошша < Пышъя – название родовой группы, *гурезь* ‘возвышение/гора’] – туда молиться ходили, ровная/плоская вершина (*тэгыз йылыз*) у той горы. На этом плоском месте был деревенский Луд. Тут нельзя спать. Место моления Луд было еще в логу Бабисьнюк между Сала-Кушкетом и Средним Кушкетом. Там камень, перед ним молились. На Луд ходили все, и мужчины, и женщины» (Яковлева Мария Ивановна, 1939 г. р.). По мнению других, в деревне были только две священные рощи. «Два Луда было в деревне. У нас мама варила гуся, а дедушка по матери ходил на Пошшагурезь. Он ходил один, наши туда ходили» (Кунаева Татьяна Васильевна, 1933 г. р.). «Чола луд в нижнем течении левого берега р. Кушкетки. Это место поедания курицы, место моления у рода Чола. У нижних (*уллапальёслэн*) Луд был на возвышении Пошшагурезь. У верхних (*выллапальёслэн*) – Луд в логу Бабисьнюк и *Курег сион инты* [место поедания

курицы] тоже в логу Бабисьнюк. Был лог Бисерманнюк (*бисерман* < бесермяне, *нюк* ‘лог’), там располагался Луд у верхних (*выллапальёс*), на поле там стояли ели, теперь место распаханно» (Николаев Николай Петрович, 1949 г. р.). «Моему младшему брату Аркадию стало плохо, стал махать руками (*џабьяськыны кутскиз*), головой махать. Оказалось, когда ходили за орехами на место Луд, он там помочился, поэтому плохо с ним стало. Мы не знали, маленькие еще были. Потом туда посадили дерево. Это было в Бабись луде. После лучше ему стало, поправился он» (Николаева Любовь Михайловна, 1930 г. р.). Место моления с курицей (*Курег вёсян инты шур сопал*) располагается на противоположном от деревни берегу р. Кушкетки (рис. 1-11).

В настоящее время жители деревни не всегда могут правильно назвать наименование капища. «Все уже перепутали: кто называет Чола луд, кто Пошша луд. Есть еще улица Чола (*Чола урам*). «Моя бабушка (*песяй*) ходила в Пошша луд или Чола луд, он «ловил». Когда идешь туда для излечения, не надо ни с кем разговаривать» (Тувалов Михаил Владимирович, 1934 г. р.). У каждого Луда были свои хранители. Ныне род хранителя Луда исчез/выродился (*Луд утисълэн выжыосыз быриз*). По М. Г. Атаманову, в д. Средний Кушкет проживали представители трех родовых групп: Чола, Пышъя и Салья, – они были расселены отдельными улицами [2. С. 96]. В ходе экспедиции 2001 г. сведения о родовой группе Салья нами не обнаружены.

Осмотр капища Курег вёсян в логу Бабисьнюк в 2001 г. показал, что оно располагалось на поляне посередине леса, в небольшой ложбинке, на склоне возвышенности. Со стороны опушки, с север-северо-западной стороны, к поляне вела тропинка. Тут раньше был священный камень, он уже ушел в землю. С восточной стороны поляны имелось большое углубление; может быть, здесь когда-то вытекал родник. Поляна со всех сторон поросла кустарником, находится в окружении орешников и кленов; в лесу также произрастают сосны, ели, липы, березы, дубы и другие деревья. Говорят, как-то один человек сделал что-то неправильное на этом месте и увидел во сне татарку (*бигер кышно*).

По свидетельству информантов, в деревне еще имелось «сильное» место моления *вир сётон* букв. ‘давание крови’, т. е. ‘кровавая жертва’. Там у корней деревьев резали овцу.

Посередине деревни, между клубом и школой, располагалось кладбище Вужшай (‘старое кладбище’) XVII–XVIII вв. (рис. 1-7). По словам М. В. Тувалова (1934 г. р.), называли его Поршай (*пор* ‘мариец, чужой’; *шай* ‘кладбище’). Информант помнит, что копали два сотрудника, один возрастом постарше. Две могилы вскрыли. В одной (мужской) могиле нашли нож, в другой (женской) – монеты на груди. Действительно, в 1969 г. разведочные исследования здесь провел В. А. Семенов. Было вскрыто два захоронения. Умершие были ориентированы головой на запад, завернуты в луб. Инвентарь состоял из серебряной копейки, обломка железной иголки и ножа [3. Л. 3–6]. Ныне на этой площадке стоит памятник погибшим фронтовикам. Новое деревенское кладбище устроено выше по течению реки от деревни у реки. Рядом с кладбищем располагается овраг Кыркуян, в который выбрасывают (или сжигают) вещи умершего. Когда делают уборку на кладбище, то мусор и сухостой (сухие деревья) сжигают тоже на месте Кыркуян (рис. 1-14).

В народе распространено мнение, что кладбище относительно деревни расположено неправильно, т. е. не ниже по течению реки, как полагается, а выше: «В деревне говорят, что современное кладбище неправильно устроили, отсюда все нечистые (*пери*) на нас спускаются. Наверное, выбрали это место, что красивое» (Кунаева Татьяна Васильевна, 1933 г. р.).

Старое место Кыркуян для выбрасывания вещей умерших располагалось в посадках, между дд. Пор-Кутешем и Средний Кушкет, по пути на кладбище в с. Цыпью (рис. 1-3). Прежде покойных возили в церковь с. Цыпьи на отпевание, а по пути выбрасывали все ненужные вещи. Когда основали свое деревенское кладбище, то новый Кыркуян устроили рядом с кладбищем.

Место Бельгы для поминаения умерших на стороне располагалось прежде между фермами, там, где находится загон для скота (рис. 1-5). На том месте росли три-четыре ели. Кто-то помнил только одну ель. «На моей памяти на Бельгы стояла одна ель» (Тувалов Михаил Владимирович, 1934 г. р.). «Бельгы – место поминаения, там поминать ходили тех, кто не вернулся с войны (*отчы буре вайса мыно вал жугиськемысь бертымтэослы*)» (Филиппов Николай гурьянович, 1930 г. р.). В старину туда после Семика ходили на поминки. Такой обряд *кыре потон* проводили около 22 мая, ближе к празднику св. Николы Чудотворца (*Никола праздник*). Новое место Бельгы сейчас располагается у памятника погибшим на фронте, теперь туда и ходят поминать умерших на чужбине (рис. 1-7).

В деревне проводили поминальный обряд *йыр-пыд сётон*. После совершения обряда череп и кости ног жертвенного животного уносили к роднику возле р. Кушкетки (рис. 1-13). Кости бросали на землю или складывали в ведро, в которое, помимо костей, бросали монеты, лоскутки, – все это вместе с ведром оставляли там. Основные поминки (*кисьтон* ‘возлияние’) проводили трижды в году: весенние поминки (*тулыс кисьтон* ‘весенние возлияния’) были приурочены к субботе перед Пасхой, перед празднованием акашки (*акашка азьын*); летние поминки (*семык*) – к Семику; осенник, или осенние поминки (*сйзьыл кисьтон* ‘осенние возлияния’).

«Нечистое» место (*пöртмаськон инты*) – место, на котором чудится, видится, располагалось на противоположной стороне дороги от места Кыркуян (рис. 1-2). Вредоносность его была связана с тем, что там убили женщину.

В д. Сала-Кушкет (удм. *Кисаль* или *Кисальгурт*) было две священные рощи Луд. В каждой был свой хранитель (*Луд утись*), который оберегал священные принадлежности Луда – пожертвованные полотенца. «У нас было два Луда – Шорын луд [Средний луд] и Пошша луд [Луд родовой группы Пошша < Пышъя]. Поначалу Шорын луд называли Чола луд [Луд родовой группы Чола]. С курицей всегда ходили туда, чтобы Луд «не ловил». Куала была почти в каждом хозяйстве» (Прокопьева Анастасия Степановна, 1949 г. р.).

По свидетельству Ксении Ивановны Павловой (1926 г. р.), в деревне было две священные рощи Луд: Пошша и Чола. Они располагались на разных концах деревни: на одном конце со стороны шоссе – Чола луд (рис. 1-19), а другом – Пошша луд (рис. 1-20). Последняя роща занимала площадку в лесу, поросшем лиственными деревьями. Протекающую вблизи реку называли Пошшашур,

а родник – Пошшаошмес. Чола луд располагался на поляне посередине елового леса, на небольшом возвышении, там стояла куала. Петр Сергеевич Павлов (1931 г. р.) в детстве видел на Чола луде остатки строения куалы. Хранителем (*Луд утись*) Чола луда был бабай Гайсин Семон. Ходили туда на моления мужчины, старики. На площадке между фермой и деревней – р. Гадьмашур (правый приток р. Кушкетки), у истока р. Гадьмашур вытекает родник Чолаошмес, там установлена будка. Про духов/хозяев священной рощи люди говорили следующее: про хозяина Чола луда говорили «*Матвей утем*» (т. е. Матвей сохранил, уберёг), про хозяина Пошша луда – «*Илья утем*» (Илья сохранил, уберёг). «Старики (*пересьёс/бабайёс*) ходили на Луд, хлеб там освящали, приходили обратно и раздавали по домам» (Прокопьева Залипа Аськеевна, 1915 г. р.). В Луд с хлебом ходили и пожилые женщины [наверное, это позднее явление. – Н. Ш.].

В деревне имелись частные сакральные строения *Мудор* или *Мудоро куа*. Такая куала была не в каждом хозяйстве. «Быдзым куа была у нас во дворе, строение уже не сохранилось, только камень (*из*) внутри лежал. Моления там видеть уже не пришлось» (Павлов Петр Сергеевич, 1931 г. р.). По словам Антонины Петровны Павловой (1954 г. р.): «Быдзым куа у наших, возможно, была в хозяйстве потомков Камая (*Камай выжы*). У них в огороде до сих пор камень лежит, в хозяйстве Камаева Павла Павловича. Он из рода Пошша-выжы». «Наша бабушка выходила к этим камням молиться с хлебом, если кому нездоровится. Ломоть/горбушку хлеба там со словами “Нас не трогай, не лови (*Милемыз эн иса, эн куты*)” оставляла там. И я выхожу [туда]» (Камаева Екатерина Николаевна, 1939 г. р.). В огороде Павла Павловича Камаева до сих пор сохраняют священные камни из Великой куалы (рис. 1-21).

Священная ель для общедеревенских молений Вёсяськон кыз ('молельная ель, ель для молений') располагается посередине деревни (рис. 1-22; 5). В Петров день здесь совершали большие моления, приносили в жертву овцу. «Вёсяськон кыз в середине деревни, повыше от улицы, там ель стоит. При нас уже не ходили к ели. Говорят, туда ходили одни мужчины, женщинам не позволялось. Слышала я, одна женщина курила, пила и дралась с мужчинами. Эта женщина во время моления у ели, пошла туда [т. е. осквернила место. – Н. Ш.]. После этого случая моления прекратили» (Павлова Антонина Петровна, 1954 г. р.).

Обряды *йыр-пыд сётон* деревенские жители совершают и в наши дни, однако кости животных бросают кто куда (в прежнее время для этого было предназначено определенное место – в ложбине у реки, за околцей в нижнем течении реки от деревни).

«Бельгы – выходили на луга у реки, в сторону фермы (рис. 1-17). Мальчиком ходил с бабушкой (*несай*). Старушки ходили туда. Ничего там не было. Сейчас Бельгы уже не проводят» (Павлов Петр Сергеевич, 1931 г. р.).

«Кыркуян – раньше бросали за околцей напротив фермы, перейдя по мосту через речку Гадьмашур, на левую сторону. Тогда кладбище было в с. Ципье. А теперь, переходят через мост и бросают в сторону современного кладбища на той стороне р. Кушкетки» (Павлов Петр Сергеевич, 1931 г. р.). Современное кладбище располагается от деревни ниже по течению реки, на склоне возвышенности на противоположной стороне р. Кушкетки (рис. 1-18).

«С гусем приходилось ходить на ту сторону реки из-за болезни дочери (*Ўазег вандыса ветлэме вань сопала нылы висемлэсь*)» (Прокопьева Залипа Аськеевна, 1915 г. р.).

В д. **Тагашуре** (рис. 6) куала имелась во многих хозяйствах. Это была либо обычная летняя (*сион-юон куала*), либо священная куала для молений с камнем Мудор (*Вёсяськон куала* или *Мудоро куала/кола*). Остатки такой священной постройки сохранились в двух хозяйствах – Байтугановых и Туктаровых. В хозяйстве Марины Рашевны Байтугановой к строению Мудоро кола «...ходили родственники во время Пасхи, но не вся деревня. Камень подевался уже куда-то, кончился. Почти в каждом дворе (*юртьер*) была куала, но у кого домашняя кухня (*сион-юон куала*), у кого священная (*вёсяськон куала*)» (Байтуганова Марина Рашевна, 1916 г. р.). «Мама моя ходила молиться. Меня схватило на том месте, с глазами стало плохо. Дедушка вынес туда [приношение] с молитвой, глаза мои открылись. Наверное, ступила на то место, что ли. Глаза так болели, не открывались даже. Детям не разрешали ступать на то место. На том месте только камень Мудор лежит. Много ходят на то место молиться» (Амакова Валентина Васильевна, 1937 г. р.). На заброшенной усадьбе Байтугановых до сих пор сохранилось строение куалы, внутри куалы над очагом висит крюк для котла (рис. 7). Во время Пасхи В. В. Амакова продолжает приходить сюда на моление. На усадьбе Туктаровых куалу используют уже в качестве склада. «У нас куала была во дворе и теперь еще стоит, прежде молились там, а теперь нет. Построена из деревьев, срубленных на этом месте, – говорила мать. Построили без помощи пилы, срубили одним топором» (Туктаров Андрей Кузьмич, 1925 г. р.). «Посередине куалы у нас стоял котел. Про камень не знаю. Во всех куалах молились. Только для принятия еды куала не использовалась: там и молились, и ели. В куале была полка Мудор, туда хлеб складывали. Молились Инмар-Кылчину. Почти у всех была куала, молились там, особенно в Пасху. Две-три семьи приходили, молились, снимали шапку и преклоняли голову. Просили хорошего урожая, спокойной жизни, скота, здоровья» (Туктаров Туктагул Туктарович, 1918 г. р.).

Большинство информантов помнили про местоположение одной общедеревенской священной рощи Луд. Она располагалась в лесочке посреди поля, на противоположной от деревни стороне асфальтированной дороги (рис. 6-2). «Это место не распахивали. Там стояли ели, сосны. Туда раньше вела дорога. Там низменное место (*лапол инты/гон*). Маленькими туда ходили. Был хранитель Луда (*Луд утись*). На Луд ходили только мужчины. Род хранителей Луда кончился уже» (Байтуганова Марина Рашевна, 1916 г. р.). «На Луде не было изгороди, деревья росли, ели. Туда зря не ходили, «поймает», говорили. Раньше люди следить за собой старались, блюли себя. На том месте долго косили сено, а теперь распахали. Там еду не варили на Луде. Старики молились там, перед Петровым днем. А здесь [в деревне] хранитель Луда угощал всех. Старики идут на Луд с едой молиться. После идут на Быд́ым вёсяськон или Быд́ым куриськон [Великое моление или Великое капище]» (Закиров Тукай Закирович, 1919 г. р.). По свидетельству Т. Т. Туктарова (1918 г. р.), в деревне было два места моления Луд [они принадлежали двум родственным группам? – *Н. III.*]. Первое располагалось в поле, на поляне, в окружении примерно 20 елей. Там моли-

лись члены двух-трех хозяйств. Второй Луд тоже располагался в поле, на том месте росло около 10 елей. Сюда приходили молиться раз в году жители двух хозяйств (Туктаров Туктагул Туктарович, 1918 г. р.). «В Луд ходили пожилые мужчины, молодые мужчина, я тоже ходил. Две сосны стояли. Там молились. В Пасху ходили. Место это около деревни, по ту сторону реки» (Туктаров Туктагул Туктарович, 1918 г. р.).

В лесу, на опушке, возле распахиваемого поля, располагалась площадка для общедеревенского Великого моления (рис. 6-1). «Было Великое моление, место, где резали жеребенка, там трава растет, ходили мужчины, мясо приносили и в деревню, для нас. У Андрея [А. К. Туктарова. – Н. Ш.] дедушка был хранитель Великого моления» (Байтуганова Марина Рашевна, 1916 г. р.). *Бусы вöсян* проводили в лесу, там был свой хранитель моления, это Великое моление – *Быдöым вöсяськон*. Туда ходил мальчиком. Одного жеребенка резали. Вечером, ночью варили. Ходили мужчины-старика молиться, дети – играть. Освященную еду не полагалось приносить в деревню. Туда молиться Инмару ходили, чтоб урожай был, хорошие теплые дожди. После моления в роще Луд идут в лес жеребенка резать, жеребенок любого окраса. Великое моление (*Быдöым вöсян*) и моление земле (*Музьем вöсян*) проводили в Петров день одновременно. Там стояли ели, были и березы. Рядом – родник, оттуда брали воду для молений. Кострище (*тылс-скон инты*) было на опушке леса. Священное место это было, существовали свои ограничения» (Закиров Тукай Закирович, 1919 г. р.).

Старое деревенское кладбище Вужшай располагалось к западу от деревни, на берегу р. Тагашур (рис. 6-4). Осмотрено В. А. Семеновым в 1969 г. [З. Л. 6–7].

Старое место Бельгы для поминовения умерших на чужбине было устроено в посадках в сторону татарской деревни Тюнтер. Сейчас отдельного места Бельгы нет. Пожертвования выносят на противоположную от деревни сторону дороги, на межу, в посадки. Имеется специальный участок Кыркуян, туда бросают мусор после похорон умершего. Поминальный обряд *йыр-пыд сётон* проводили в каждой семье, при этом кости жертвенных животных и другие дары для умерших предков бросали в определенное низменное место вблизи деревни у реки.

Праздновали день вознесения Кылчина (*Кылчин тубон праздник*) [очевидно, имеется в виду христианский праздник Вознесения Господня. – Н. Ш.]. В ночь на Великий Четверг можжевельник (*сусыту*) жгли. Молодежь устраивала гуляния, которые продолжались с вечера до полуночи, играли вокруг костра. В Пасху ходили играть на местное возвышение/гору, там качались на качелях.

Весной на противоположной от деревни стороне реки на возвышении Пужымгурезь (сосновая возвышенность/гора) праздновали Акашку (рис. 6-3). На том месте росла большая/великая сосна Акашкапужым, она была очень толстая. Эту сосну срубили во время войны. Рядом с Пужымгурезь располагалось другое возвышение Жечырангурезь (качельная гора/возвышение) или Шудонгурезь (гора/возвышение для гуляний). Сюда приходили в Пасху качаться на качелях. Во время праздника Акашка парни с девушками катались верхом на конях, распевали песни под окнами домов. Певцам преподносили угощения на деревянной посуде (*пу бадья*) и выносили вино в деревянной рюмке (*сюмык*). Для этого использовали расписные деревянные тарелки (*пу тэркы* или *бадян*) и деревянные рюмки

(*сюмык*), которые по размеру были глубже тарелок для еды. По свидетельству Залипы Аськеевны Прокопьевой (1915 г. р.), в д. Тагашур, когда праздновали Акашку, выбирали *Аргышкышно* – женщину, которая выходила молиться на вершину горы с белой скатертью, с хлебом и с вином в пятилитровой посуде (*черыген арак*). На Пужымгурезе она (*Аргышкышно*) сидела под почитаемой сосной. Роль *Аргышкышно* могли играть только замужние женщины или пожилые женщины. Каждый год роль *Аргышкышно* исполняла другая женщина.

Женский костюм. В д. Тагашур удалось осмотреть и сделать фотоснимки девичьего и женского костюмов из коллекции Валентины Васильевны Амаковой (1937 г. р.). От девичьего комплекта сохранилась шапочка-такья, украшенная раковинами каури, кораллами, серебряными монетами, сердоликовыми бусами. Женский комплект состоял из рубахи-*дэрэм*, жакета-*камзол*, головного убора *ашъян* с покрывалом-*сюлык*, шейных и нагрудных украшений. *Ашъян* изготовлен из полоски бересты, согнутой треугольником высотой 7 см и обшитой холщовой клетчатой тканью. Основу *сюлыка* составляет холст, покрытый черной вышивкой, по краям обшит шелковой бахромой. Лобная часть покрывала обшита серебряными монетами, медными узорчатыми жетонами, индикациями монет из оловянно-свинцового сплава. К покрывалу-*сюлык* также пришиты бусинки из коралла, сердолика/халцедона, янтаря, бирюзы, привески-*чук* из бахромы, лент, обшитых позументом квадратиков и кружков. Такие элементы как квадраты и кружки с изнаночной стороны закреплены от сгиба плоскими деревянными дощечками. Из других украшений отметим шейное украшение *чыртыкыш*, нагрудное в виде привесок из кораллов и монет, чересплечное украшение *камали* (рис. 8). В д. Тагашур костюм девочки сохранился также в семье Закировых (рис. 9).

В д. Карык-Серма (удм. *Туръя починка*) в послевоенные годы было 55 хозяйств, а к 2001 г. здесь насчитывалось лишь 33 хозяйства. По преданиям, жители деревни пришли в эти края из-под Арска, оттуда их вытеснили татары. Поселение Арбаш якобы возникло от татарских слов *ар* ‘удмурт’ и *баиш* ‘голова, верховье реки’ (народная этимология), и что в этих местах однажды на сабантуе богатырь-удмурт победил татарина.

В деревне почти в каждом хозяйстве имелись семейные святилища *кола* (диал. от *куала*). «В Карык-Серма, помню, у двух семей были *кола*. Одни из *куалы* построили конюшню. Мы ее купили себе, не знали. Плохо было моей маме (*анай*): на голову ей крыша упала. А у тех [у кого купили конюшню] дочь тоже вся в чирьях ходила. К знахарке татарке сходили, сварили кашу, помолились на том месте – прошло. Со словами «Меня не ловите, это ешьте-пейте (*Монэ эн кутэ, тae сиыса-юыса улэ*)» кашу оставили в той семье на месте, где стояла *кола*. В *куале* (*коле*) был Мудор» (Широкова Елизавета Ивановна, 1932 г. р.). «В хозяйстве *куа* была. Почти в каждом была *куа*, там молились, ели-пили. Там стоял котел на камнях, этот камень не разрешали трогать, плохо будет. Фундамент в *куале* состоял из камня. В *куале* икону (*оброс*) тоже держали. Ели, молились перед иконой. Полку, на которую ставили икону, называли Мудор» (Шестаков Павел Семенович, 1922 г. р.).

Судя по названию, общедеревенское священное место *Вöсаськон тэль* (удм. ‘молельный лес’ или ‘лес для молений’; диал. *тэль* ‘островок среди поля’),

‘небольшая роща /из хвойных деревьев/’) прежде располагалось на ровном (*тэ-гыз*) месте в лесу. Однако при жизни информантов 1930-х годов рождения, леса там уже не было, росли лишь три ели. С того места ничего не разрешалось брать. Вблизи этого места вытекал родник, но затем он усох. Его вытоптали кони богатых татар из соседней д. Бурнак. По словам информанта Е. И. Широковой (1932 г. р.): «Там теперь просто поле, наверное, и деревья уже упали. Один [мужчина] туда в ночное ходил с конями. Весь красный, опухший вернулся. Сходил к знахарке (*пелляськись*), сварил кашу и унес на то место. После этого выздоровел. Одна девушка помочилась там, так от нагноения умерла (*сисьмыса ик кулйз*)».

В деревне имелось три священных рощи Луд. В роще стояли большие толстые ели, сосны. На все три Луда ходили сообща, семьями. Однако каждый Луд посещали в строго определенное время: в один Луд – весной, на другой – в другое время. К сожалению, современное население уже не помнит, в какие сроки следовало проводить моления в двух других рощах. В советское время их уже не посещали. Многие ходили на службу в церковь. В Луде совершали заклятие бычка (*вир каро вал* букв. ‘кровь пускали’ [т. е. приносили кровавую жертву. – Н. Ш.], жертвовали монеты, предварительно помытые в воде. «Первое место моления Луд располагалось возле фермы. На том месте ничего не осталось, хотя этот участок не распахивали. У фермы на Луде держали икону (*оброс*), это после христианизации. Один коммунист после революции выстрелил в икону, сам погиб вскоре после этого. Люди считают, что нельзя было так поступать, что его Инмар ударил. Второй Луд находился к югу от деревни, его запахали, располагался он в 500 м к югу от деревни. Третий Луд находился к северо-западу от деревни. На этом Луде постройки куа не было, место было только огорожено. Я уже не ходил, при мне не ходили. А старики ходили. Чтобы дождя попросить, если засуха, или когда не нужен дождь» (Копаров Александр Николаевич, 1927 г. р.). «Это был наш Луд, наши старики (*бабаъёс*) ходили. Место Луда осталось нераспаханным. Деревья упали. Это в 500 м к северо-западу от восточной окраины деревни» (Шестаков Павел Семенович, 1922 г. р.). «Мама моя еду варила на Луде, немного на том месте заснула/вздремнула и увидела во сне – *бабай* с белыми волосами и белой бородой сказал: “Здесь спать не положено”. После этого что-то с глазами у нее было не в порядке. Туда унесли утку» (Закирова Зинаида Ивановна, 1948 г. р.).

В деревне было два участка для аграрных молений *Бусы вёсь*. Первое место *Бусы вёсь* располагалось возле второй священной рощи Луд. Второй участок для проведения *Бусы вёсь* – ложбинка, которая встречается по пути между д. Карык-Серма и соседним селением. Обрядовые моления на них проводили с православным священником.

Было особое место, куда к корням священного дерева в ложбинку бросали латунь (медь) (*Ыргон поно мырк выжые, динь писпу*). Ныне то дерево срубили, про то место никто уже не знает.

В лесу имеется место, называемое Поршай, то место до сих пор не распахивают, говорят, там жили *поры* [марийцы. – Н. Ш.].

Старое место Кыркуян для выброса вещей умерших располагалось у дороги, ведущей на кладбище в с. Ципью, потому что в прежнее время умерших отвозили в с. Ципью. После Второй мировой войны образовали свое деревенское кладбище.

Умершего хоронили, уложив головой на запад, чтоб он мог видеть восход солнца. Поминование проводили в воскресенье в Троицу (*Семык*). Раньше на кладбище оставляли еду (удм. *куяськыны* ‘бросать, жертвовать’), а теперь не разрешают этого делать, не положено так поступать по церковным канонам. В деревне проводили поминальный обряд *йыр-пыд сётон* (жертвование головы и ног животного) или *ви́ро* (кровавая жертва). Кости пожертвованных животных уносили в лог возле реки.

Рядом с кладбищем располагается лес Бельгы/Бельги. Там в одном углу леса имеется поляна, куда заходили после проведения поминок на кладбище и поминали умерших, погибших на войне, на чужбине. Обряд называли *бельгы карыны* (букв. ‘делать бельгы’). Там сидели, совершали поминальную трапезу, пели песни, исполняли мужские и женские обрядовые пляски (*сио-юо, кырзало, тэтчало пиос сямен, нълъёс сямен*). Это место ничем не помечено. Насчет возникновения термина Бельгы существует народное предание: «В Бельгию отправляли на войну, первую или вторую мировую. Не все солдаты вернулись оттуда, в память о них и основали место поминования Бельгы» (народная этимология).

В д. **Пор-Кутеш**, по преданию, удмурты пришли со стороны татар. Заблудились в лесу и остались в этих краях, а большая часть удмуртов ушла в Удмуртию.

Информанты пожилого возраста указывали, что им приходилось слышать про такие места молений, как Мудор куала или Мудор куа. В прежние годы много в деревне было таких святилищ. Ныне их остатки сохранились в двух хозяйствах – у Васлея Матекова (сам хранитель куалы уже умер) и в хозяйстве Василия Самаева [Василий Аркадьевич Самаев, 1955 г. р.]. «*Вёсь куала*, там ничего не позволяли трогать, говорили, что “ловит”. В куа была своя икона (*оброс*)» (Захаров Павел Андреевич, 1920 г. р.). «Куа была почти в каждом хозяйстве, соседи-родственники (*бускельёс*) собираются, варят еду, молятся. В каждой куа и еду готовят, и молятся. У нас на месте куалы ничего не разрешали делать. Так и содержим. Котел стоит, а строение забрали в колхоз. Котел стоял на камнях, не был привешен» (Захаров Герман Семенович, 1932 г. р.). «Самаев Васлей – его дед со стороны матери (*чуж атай*) держал куа, у него есть строение куа, истлевет, но разбирать его нельзя. Надо резать кого-то (скотину), помолиться, тогда можно разбирать – говорит Васлей. Это не просто летняя кухня. На такое место нельзя ставить избу. Есть куа у Матекова Васлея. Куа, в которой молились, называли Мудор куа» (Никифоров Степан Васильевич, 1939 г. р.).

«Куала у стариков (*валяйна песьяёс*) была, она срублена без пилы, фундамент из бутового камня. Внутри куалы полки. У Матекова Васлея, его дедов-прадедов куала была. Его дедушка Данько построил эту куалу в начале XX в. Сам Матеков Васлей умер в 1947 г. Сейчас она стоит в хозяйстве Петрова Василия Семеновича. Называли *коа, кола, коуа*. Вёсяськон инты было возле хозяйства Самаева Васлея, куала принадлежала его дедушке со стороны матери по имени Иван. Туда собирались старики молиться возле камня. Одна бабушка Чочокова-песяй туда ходила молиться, но лет 20 назад она умерла» (Петрова Нина Егоровна, 1939 г. р.).

Общедеревенское капище Вёсяськон инты располагалось у истока оврага Кёйнюк (букв. ‘толстый, жирный лог’, т. е. широкий лог), потом его стали называть Вёсяськон нюк (‘молельный лог’), место моления было устроено посреди леса, у вершины лога (*Нюлэс шорын – вёсяськон инты, нюлэслэн нюк йылаз*). Там росли

ели, сосны. Там вытекает родник Кезыт ошмес ‘холодный ключ’, он «ловит», из него нельзя пить воду, надо пить осторожно (Захаров Павел Андреевич, 1920 г. р).

Общедеревенская священная роща Луд или Нюлэскын вёсяськон (‘лесное моление’) находилась по правую сторону от асфальтированной дороги на пути в Ципью, в лесу у лога. «Говорили, там Лудкузё, Луд “ловит”. Место моления посередине леса. Резали жеребенка. Посреди лесной поляны. На Луде резали бычка, жеребенка годовалого – *толэс*. Один Луд на всю деревню был. В Луде молились Инмару, вставали там лицом к восходу солнца. Ходили мужчины, женщины семейные. Бабушка рассказывала мне. Там росли ели, пихты, сосны, в основном хвойные. Мы ходили туда. На святых местах собирали грибы (*гибы*), ягоды. На Луд ходили гулять, играть, уже не молились тогда. Но моления там уже не проводили. При нас уже не было кострища. Наверное, прежде было» (Никифорова Елена Васильевна, 1913 г. р.).

На месте для моления с курицей *Курег вёсян инты* молились жители нижней части деревни (*уллапальёс*). На том месте растёт небольшой лесок, находится это место на противоположном берегу р. Кутешки (удм. *Кутешву* ‘вода Кутеш’).

Прежнее место Бельгы для поминовения умерших на чужбине располагалось возле фермы, по эту сторону фермы. Это Бельгы было общее с жителями д. Средний Кушкет (удм. *Жаны*), ныне оно заброшено и распаивается. Современное место Бельгы располагается около кладбища возле реки. Новое кладбище и новое место Бельгы было устроено после Второй мировой войны. «На место Бельгы ходили перед Семиком. Старшая сестра ходила, лепешки-хлеб несли для умерших на стороне (*апай мынэ вал, табань-няньёс нуо вал кыре кулэм муртъёслы*). Нынче выходили на Бельгы третьего июня в Троицу [в 2001 г. – Н. Ш.]. Второго июня – в церковь с. Ципья ходили, там посещали старое кладбище. Третьего июня – Троица, ходили на современное кладбище в д. Пор-Кутеше, четвертого июня – день Святого духа. В Пор-Кутеше старый *кыр куян* располагался в логу, по дороге в с. Ципью [там было кладбище], примерно в 2 км с правой стороны от дороги, туда и бросались в овраг. Современный *кыр куян* – у современного кладбища с левой стороны. Там в ямах сжигают вещи умершего после похорон» (Захаров Герман Семенович, 1932 г. р).

Имелось отдельное место *йыр-ныд сётон* для выбрасывания костей жертвенных животных после поминок. Располагалось оно в логу за околицей, там устроили *куяськон* (букв. ‘выбрасывание’). Нередко кости после совершения обряда бросали кто куда – в овраг, к реке – теперь уже нет определенного места для этого.

Из больших христианских праздников особо отмечали Пасху и Петров день. «В нашей семье были сапожники. Зажиточные работающие крестьяне. Флаг с шерстяными кистями (*чукёс*) носили, ходили в Пасху и в Петров день с иконами по улице, около 10 икон (*обросёс*) несли. Все старики выходили вместе со всеми деревенскими (*Пересёс пото вал вань калыкен*). В каждый дом заходили и молились [подобие крестного хода?]. Это заставили прекратить. Пугали. На кладбище ходить не разрешали, тайком посещали (*Шай вылэ мыныны уг лэзё вал, лушкем ветліёськом вал*)» (Захаров Павел Андреевич, 1920 г. р).

В д. **Мельничной** (удм. *Вукогурт*) имелись патронимические Мудор куала. «У нас в семье не занимались этим. Это место моления земле (*Со музьем вёсян*

инты). У нас была летняя кухня (*сион-юон инты/кола*)» (Закирова Зинаида Ивановна, 1948 г. р.).

Современное кладбище существует здесь со времен основания деревни. Площадки кладбища не хватает для захоронений, поэтому погребения часто перекрывают друг друга. Когда копают могилы, кости предыдущего захоронения собирают в кучку и оставляют в яме. Над могилой некрещеного чаще высаживали лиственное дерево, однако могли на могиле и ель посадить. На одном кладбище хоронят вместе и крещеных, и некрещеных. Умерших укладывают головой на восток. В могилу складывают посуду: чашки, ложки; мужчинам добавляют сигареты (*кыскон*), нож (*нурт*); женщинам – ножницы; бросают в могилу монеты. Над могилой крупу рассыпают.

Место Бельгы для поминаения умерших на чужбине находится по пути в татарскую деревню Тюнтер.

В с. **Дурге** (или Старая Дурга) была построена церковь. Несмотря на это, жители села продолжали посещать моления в двух священных рощах Луд. На моление туда ходили мужчины. На том месте не позволяли справлять нужду. Ныне рощи уже не сохранились, участки эти распаханы. Молодежь об этих местах ничего не знает.

Строения куала (диал. *кола*) были двух видов – летняя кухня (*сисъкон куала*) и для молений (*вöсяськон куала*). В семейном святилище *вöсяськон кола* была своя святыня *мудор*. В доме *мудором* называли место, где икона стояла.

Место для проведения поминальных обрядов *йыр-пыд сётон* и *лы куян* располагались в одном месте. Имелись специальные участки Бельгы и *кыр куян*. В прежние времена умерших хоронили на кладбище с. Ципьи (удм. *Чабья*), а ныне в с. Дурге имеется свое деревенское кладбище.

Заключение. Как и у других локальных групп завятских (арских) удмуртов, в каждом селении в прошлом существовали следующие типы и разновидности культовых объектов: куала семейная (*сионо-юоно/огшоры куала*) и священная (*Мудор куала/Мудоро куала*), общедеревенские или патронимические/родовые священные рощи Луд, места аграрных молений Бусы вöсь, места молодежных гуляний. В свою очередь Мудор куала могла иметь статус семейной, патронимической и общедеревенской. Существовала целая группа культовых участков для проведения погребальных и поминально-умиловительных обрядов (кладбище-*шай*, *бельгы*, *куркуян*, *йыр-пыд сётон*, *куяськон*). В дд. Сала-Кушкет, Тагашур, Карык-Серма, Пор-Кутеш зафиксированы площадки для проведения больших общественных аграрных молений (*Быдзьым вöсяськон* или *Быдзьым куриськон*, *Вöсяськон кыз*, *Вöсяськон инты*, *Нюлэскын вöсяськон*), приуроченных ко дню апостолов Петра и Павла. В д. Тагашуре существовало особое место для празднования Акашки на возвышении Пужымгурезь, роль сакральной персоны на этом празднике исполняла специально выбранная женщина Аргышкышно. В д. Карык-Серме моления в куале и священных рощах проводили перед иконами. В д. Пор-Кутеше по большим христианским праздникам (Пасха и Петров день) совершались крестные ходы. Информанты уже не располагали сведениями о проведении окружных молений. Ближайшее общественное капище для совершения таких церемоний располагалось вблизи озера Лызи.

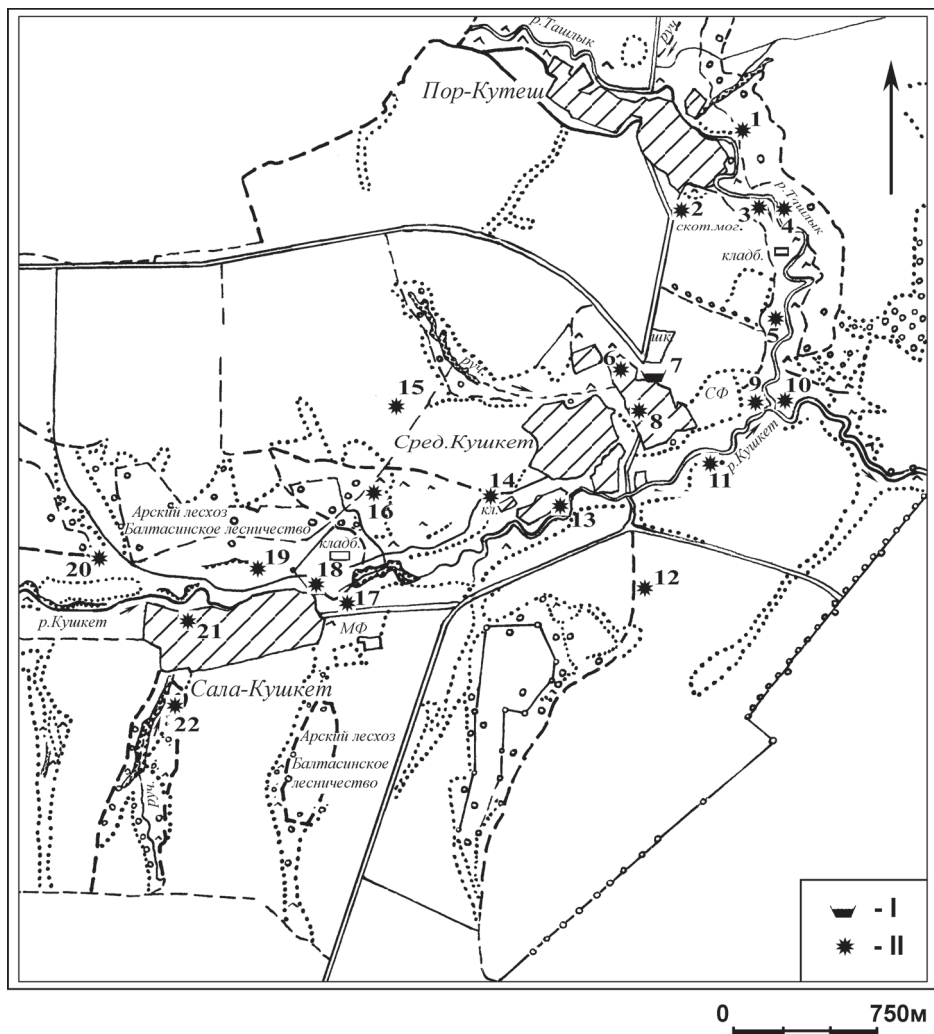

Рис. 1. Схема размещения культовых и культурных объектов в окрестностях д. Средний Кушкет: 1 – священная роща Луд; 2 – место Пёртмаськон инты; 3 – место Кыркуян, Бельгы; 4 – место Курег вёсян инты; 5 – место Бельгы; 6 – общедеревенская Мудор куала; 7 – кладбище Вужшай / Поршай; 8 – святилище Мудор куала в хозяйстве Т. А. Апаковой; 9 – священная роща Чола луд; 10 – священная роща Пошша / Пошма луд; 11 – место Курег вёсян; 12 – одиноко стоящее почитаемое дерево; 13 – место Ыыр-пыд сётон; 14 – современное кладбище д. Средний Кушкет и новый Кыркуян; 15 – священная роща Бабись луд; 16 – место Курег вёсян; 17 – место Кыркуян; 18 – кладбище д. Сала-Кушкет и место Бельгы; 19 – священная роща Чола / Шорын луд; 20 – священная роща Пошша луд; 21 – святилище Мудор куала; 22 – почитаемая ель Вёсяськон кыз

Рис. 2. Д. Средний Кушкет. Святилище Мудор куала в хозяйстве Т. А. Апаковой

Рис. 3. Д. Средний Кушкет.
Священный камень в святилище Мудор
куала в хозяйстве Т. А. Апаковой

Рис. 4. Д. Средний Кушкет.
Священный камень из общедеревенского
святилища Мудор куала

Рис. 5. Д. Сала-Кушкет.
Священная ель Вöсьяскон кыз

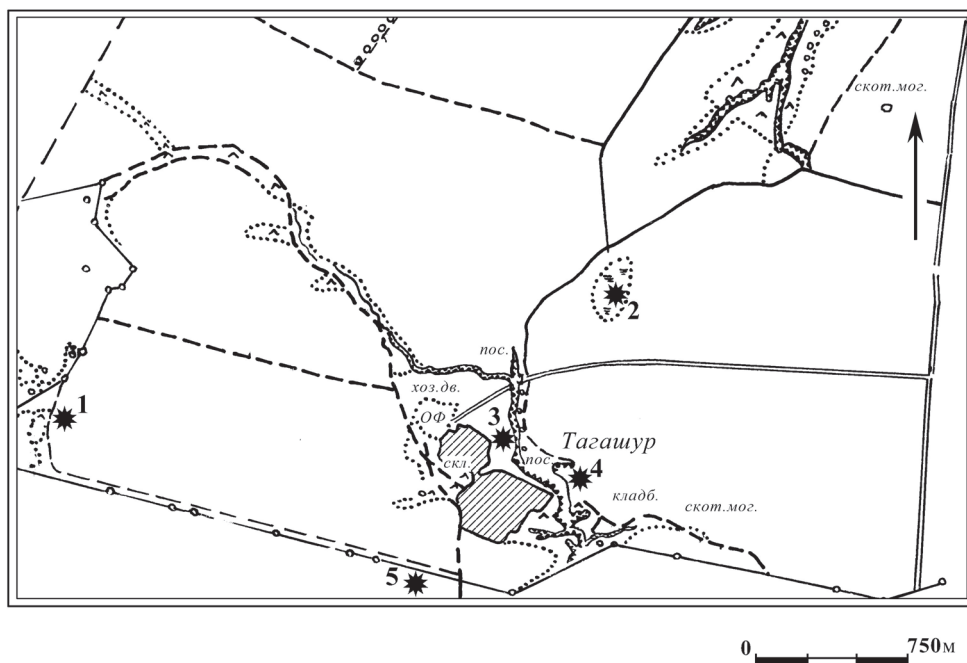

Рис. 6. Схема размещения культовых и культурных объектов в окрестностях д. Тагашур: 1 – общедеревенское святилище Вöсьяскон тэль; 2 – священная роща Луд; 3 – место празднования Акашки на возвышении Пужымгурезь; 4 – кладбище Вужшай; 5 – место Бельгы

Рис. 7. Д. Тагашур. Святилище
Великая куала на усадьбе Байтугановых

Рис. 8. Д. Тагашур. Женский костюм.
Валентина Пантелеймоновна Амакова,
сноха В. В. Амаковой

Рис. 9. Д. Тагашур. Девичий костюм.
Наташа Закирова, 9 лет

ИНФОРМАНТЫ

Амакова Валентина Васильевна, 1937 г. р., родилась в д. Тагашур, удмуртка, колхозница, пенсионерка, образование 10 классов.

Апакова Татьяна Алексеевна, 1939 г. р., родилась в д. Средний Кушкет, удмуртка, повар, пенсионерка, образование 7 классов.

Байтуганова Марина Рашевна, 1916 г. р., родилась в Тагашуре, удмуртка, колхозница, пенсионерка.

Веденеева Мария Алексеевна, 1934 г. р., удмуртка, родилась в д. Варзи-Пельга Агрызского р-на, колхозница, пенсионерка, с 1995 г. проживает в д. Средний Кушкет, образование 7 классов.

Ермакова Юлия Захаровна, 1915 г. р., родилась в д. Средний Кушкет, удмуртка, колхозница, пенсионерка, без образования.

Закиров Тукай Закирович, 1919 г. р., родился в д. Тагашур на этом месте, удмурт, колхозник, пенсионер.

Закирова Зинаида Ивановна, 1948 г. р., родилась в д. Мельничная (Вукогурт), удмуртка, с 1970 г. проживает в д. Тагашуре, колхозница, пенсионерка, образование 11 классов.

Закирова Марья Александровна, 1916 г. р., удмуртка, родилась в д. Тагашур.

Захаров Герман Семенович, 1932 г. р., родился в д. Пор-Кутеш, удмурт, работал главным инженером, пенсионер, образование 10 классов.

Захаров Павел Андреевич, 1920 г. р., родился в д. Пор-Кутеш, удмурт, работал бригадиром трактористов, пенсионер, образование 7 классов.

Захарова Вера Федотовна, 1934 г. р., родилась в с. Ципья, с 1959 г. проживает в д. Пор-Кутеш, удмуртка, пенсионерка, образование высшее.

Захарова Мария Петровна, 1926 г. р., родилась в д. Средний Кушкет, с 1947 г. проживает в д. Пор-Кутеш, удмуртка, работала колхозницей, пенсионерка, образование 7 классов.

Камаева Екатерина Николаевна, 1939 г. р., родилась в д. Сала-Кушкет, удмуртка, работала дояркой, пенсионерка, образование 7 классов.

Копаров Александр Николаевич, 1927 г. р., родился в д. Карык-Серма, удмурт, работал кузнецом, пенсионер, образование 4 класса.

Кунаева Татьяна Васильевна, 1933 г. р., родилась в д. Средний Кушкет, удмуртка, колхозница, пенсионерка, образование 7 классов.

Купаева Ольга Николаевна, 1962 г. р., родилась в д. Тагашур, удмуртка, образование 10 классов, с 1980 г. живет в д. Средний Кушкет.

Никифоров Степан Васильевич, 1939 г. р., родился в д. Пор-Кутеш, удмурт, шофер, пенсионер, образование 7 классов.

Никифорова Елена Васильевна, 1913 г. р., родилась в д. Пор-Кутеш, удмуртка, колхозница, пенсионерка, образование 3 класса.

Николаев Николай Петрович (внук Николаева Николая Александровича), 1949 г. р., удмурт, родился в д. Средний Кушкет, агроном, образование среднее специальное.

Николаева Любовь Михайловна, 1930 г. р., родилась в д. Средний Кушкет, удмуртка, колхозница, пенсионерка, образование 2 класса.

Павлов Петр Сергеевич, 1931 г. р., родился в д. Сала-Кушкет, удмурт, работал колхозником, пенсионер, образование 7 классов.

Павлова Антониды Петровна, 1954 г. р., родилась в д. Сала-Кушкет, удмуртка, работала учительницей, образование среднее специальное.

Павлова Ксения Ивановна, 1926 г. р., родилась в д. Сала-Кушкет, удмуртка, была колхозницей, пенсионерка, образование 4 класса.

Петрова Нина Егоровна, 1939 г. р., родилась в д. Старый Кушкет, с 1961 г. проживает в д. Пор-Кутеш, удмуртка, работала свиноводом, пенсионерка, образование 7 классов.

Прокопьева Анастасия Степановна, 1949 г. р., родилась в д. Сала-Кушкет (Кисальгурт), учительница.

Прокопьева Залипа Аськеевна, 1915 г. р., родилась в д. Тагошур, с 1942 г. – в Сала-Кушкет, удмуртка.

Раймова Зоя Сергеевна, 1930 г. р., родилась в с. Дурге (Старая Дурга), с 1953 г. – в д. Тагошур, удмуртка, колхозница, пенсионерка.

Романова (дев. Гуменикова) *Мария Петровна*, 1927 г. р., родилась в д. Богданово (Бугдан), в 1937 г. переехала в д. Сильшур, с 1947 г. проживает в д. Пор-Кутеш, удмуртка, работала учительницей, пенсионерка, образование среднее специальное.

Тувалов Михаил Владимирович, 1934 г. р., родился в д. Средний Кушкет, удмурт, работал колхозным бригадиром и др., пенсионер, скрипач, образование 8 классов.

Туктаров Андрей Кузьмич, 1925 г. р., родился в д. Тагашур, колхозник, пенсионер, образование 5 классов.

Туктаров Туктагул Туктарович, 1918 г. р., родился в д. Тагашур, удмурт, работал в редакции печатником, бригадиром-строителем, зав. фермой, пенсионер, образование 7 классов.

Филиппов Николай Гурьянович, 1930 г. р., родился в д. Среднем Кушкет, удмурт, работал бригадиром колхозе, пенсионер, образование 7 классов.

Шестаков Павел Семенович, 1922 г. р., родился в д. Карык-Серма, удмурт, работал колхозным пчеловодом, пенсионер.

Широкова Елизавета Ивановна, удм., 1932 г. р., род. в д. Карык-Серма (по адм. карте Карек-Серма), с 1967 г. проживает в д. Большие Лыжи-2, образование 7 классов, работала на механизированной ферме.

Яковлева Мария Ивановна, 1939 г. р., родилась в д. Средний Кушкет, удмуртка, бигадир, пенсионерка, образование 7 классов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шутова Н. И.* Материалы археолого-этнографической экспедиции в Балтасинский район Республики Татарстана в 2001 г. // РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2Н. Д. 1296. 33 л. + фото.

2. *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.

3. *Семенов В. А.* Отчет Удмуртской археологической экспедиции в 1969 г. (Средне-Кушкетский, Ципьинский, Вукогуртский (Мельничный) могильники, Чутайские I и II городища, Ореховский могильник) // Архив ИА РАН. Р-1. № 3872; РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2–Н. Д. 148. 95 л.

Поступила в редакцию 10.02.2015

N. I. Shutova

Cult Places of Srednij Kushket Village's Surrounding

The paper is devoted to the characteristic of cult places and cultural objects of Baltasinsky Udmurt, living in the village of Srednij Kushket and neighboring Sala-Kushket, Tagashur, Por-Kutesh villages. We can point the existence of many types and variants of religious objects

in every village surroundings in the past. There were ordinary family buildings (*s'iono-juono/ogshory kual*), kin-groups' and common villages' sanctuaries (*Mudor kual/Mudoro kual*), sacred groves (*Lud*), places for agrarian praying (*busy vös'*), grounds for holding of youth festivals. There was a special group of cult plots where burial and memorial-propitiatory rituals were held (cemetery-*shaj*, *bel'gy*, *kurkujan*, *jyr-pyd s'oton*, *kujas'kon*). In some villages there were grounds for holding large public agricultural praying (*Bi'zjm vös'jaskon*, *Bi'zjm kuris'kon*, *Vös'jaskon kyz*, *Vös'jaskon inty*, *Nyuleskyn vösjas'kon*), which were timed to the summer solstice, later to St. Peter's and St. Paul's Day. The special place for Akashka festival is located at the top of Puzhymgurez' hill at the Tagoshur village surroundings. The sacral symbol of the feast was played by the specially selected elder woman *Argyshkyshno*. Praying in the sacred groves and cult building *kual* were performed in front of the icons in the village of Karyk-Serma. People of Por-Kutesh village participated in the religious procession during large Christian feast days such as Easter or St. Peter's Day.

Keywords: cult places, sanctuary *kual*, stone *Mudor*, sacred grove *Lud*, cemetery, place *bel'gy*, place *kurkujan*.

ШUTOVA Надежда Ивановна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: shutova@udnii.ru

Shutova Nadezhda Ivanovna,

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher,

Udmurt Institute of History, Language and Literature

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: shutova@udnii.ru